

Ю. Б. Орлицкий

СТИХОВОЕ НАЧАЛО В ПРОЗЕ П. П. БАЖОВА

Представление об особой ритмичности сказового повествования общее место почти всех работ, посвященных сказу. Однако, как всякое общее место, оно нигде никак не мотивируется и не доказывается, – как, впрочем, общему месту и положено.

Между тем, сказ сказу оказывается рознь: для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить прозу различных авторов, в разное время обращавшихся к этому типу повествования, хотя бы по одному, наиболее просто отслеживаемому параметру – трансляции в структуру прозаического текста идущей в русской традиции XIX–XX вв. от стиха силлабо-тонической упорядоченности всего текста или отдельных его участков. Так, у Вельтмана, Лескова, Ремизова, Замятина такая упорядоченность, безусловно, есть (то есть процент метричности их сказовой прозы превышает общеязыковую норму), в то время как метрическая организованность сказа Зоценко предельно приближается к соответствующим показателям разговорной речи, а сказ П. П. Бажова оказывается даже менее метричен, чем эта речь.

При этом в произведениях, написанных без учета требований сказовой манеры, в том числе и в нехудожественных (дневники, письма) этот показатель оказывается выше: сказывается необходимая для русской речи «естественная» метричность. Так, в «Малахитовой шкатулке» П. П. Бажова находим такие «условные метры»: «В Сысерти в одном из алтарей / главной церкви...» (хорей пяти – двустопный (далее X₂+5)); «Сюда входили и крестьяне, занятые / на заводских работах» (Я₅+3); «Не могу я, Данилыч, без дела...» (АнЗ) и т.д.; в дневниковых записях – «Наш русский Спиридон солнцеворот / гораздо лучше» (Я₅+2); «Вспоминаешь по этому поводу...» (АнЗ) и т.д.; в письмах – «Жаль мне Вас, а Вы не унывайте» (Я₅), «Такое хорошее слово, / что после него и добавки не надо» (Амф 3+4) и т. д. Можно предположить, что у П. П. Бажова это связано с представлением о сказе как о максимально естественной (в отличие от «литературной») речи – ср. с представлениями нормативных риторик разных эпох о необходимости отказа от мерности как об обязательном условии естественности. Тем не менее, бажовский сказ действительно несет в себе признаки определенной ритмической упорядоченности. Прежде всего, это сказывается в членении речевого потока на минимальные по объему и, вследствие этого, вполне соизмеримые (и, следовательно, вступающие друг с другом в ритмические по определению отношения) отрезки фразы и предложения, которые, в свою очередь, образуют небольшие по объему главы, части и целые произведения («коротышки», которые сам Бажов противопоставляет «длинным вещам», походим, по его словам, «на товарный поезд»).

Определенная упорядоченность может быть обнаружена в бажовском сказе и при анализе его по методике Томашевского-Гиршмана, выявляющей в прозаическом монолите закономерное членение на сопоставимые по структуре и объему колоны – своего рода аналоги стихотворных строк.

Ориентация на народную речь, и в первую очередь — на фольклорные паремии неизбежно провоцирует появление в сказовой прозе П. П. Бажова разного рода созвучий: аллитераций, ассонансов и рифмоидов. Например, «Рад стараться с жульем не вязаться» («Железковы покрышки»), «Загудело комарино болото! Слушай, кому охота» («Змеиный след»); «Шерсть дыбом, хвост горбом, хвост свечкой» («Сочневы камешки»); «Не то лес шумит, не то ручей журчит» («Каменный цветок»). Ср. созвучие уже не паремичное, но к поговорке восходящее: «Данилушка, видно, заигрался, а старик задремал по малости» («Каменный цветок»); в дневниковой записи «Что такое советская демократия» от 14 декабря 1945 г. цитируется такая присказка «Старого мастера-практика»: «Куст затемнил, куст замазал, на бок сбил, раздробил, подмигунчика смастерил».

Наконец, как безусловную аналогию стиховому типу построения речи можно рассматривать регулярное строфическое строение сказовой прозы П. П. Бажова (в отличие от несказовой), выражающееся в последовательном делении текста на небольшие по объему и соответственно соизмеримые друг с другом абзацы-строфы.

Кроме того, стиховое начало в прозе П. П. Бажова - сказовой и несказовой, художественной и очерковой - проявляется в использовании в ней стихотворных цитат, а также «квазицитат» (как правило, аналогов двустиший), тяготеющих к народной тонике (например, «Жизни не рад стал, сну-покою лишился» («Змеиный след»); «Пошумел так-то, покричал, а Данилушку пальцем не задел» («Каменный цветок») и т. д.) – ср. наблюдения ряда исследователей с аналогичной цитацией квазиколомыйковского ритма в ранней прозе Гоголя.

Все это вместе взятое позволяет говорить об определенной системе средств, сближающих бажовский сказ со стиховой культурой (преимущественно - фольклорной) и создающих ритмическое своеобразие его прозы, не сводимой и даже по-своему противостоящей традиционным «литературным» способам создания сказа. Из непосредственных параллелей этой ритмической манеры можно назвать, например, С. Писахова и Б. Шергина, из последователей - Е. Пермяка.